

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НАУКИ

А.-М. ТЬЕСС

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ: НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

В последнее время во Франции широко развернулись дискуссии по проблемам национальной истории. Новое французское правительство пытается использовать историческую науку для своей интеграционистской политики, навязать научному сообществу свое понимание национальной истории. Французские историки сопротивляются оказываемому на них давлению, сомневаясь в необходимости и обоснованности такого подхода. В статье рассматривается проблема так называемых «исторических» законов (законов об исторической памяти), которые могут вызвать недовольство и претензии со стороны национальных меньшинств во Франции. В ряде случаев эти законы вступали в конфликт с существующим законодательством и оказывались факторами, ограничивающими и цензурирующими область исторических исследований.

Ключевые слова: национальная история, историческая память, историческое законодательство, национальная идентичность, иммиграция.

В этом сообщении я хотела бы рассмотреть вопрос об отношении между политикой и социальными науками в контексте дискуссий по проблемам национальной истории, иногда весьма острых, развернувших-

Тьесс Анна-Мария (Thiesse Anne-Marie) — директор по исследованиям Национального центра научных исследований Франции (Centre national de la recherche scientifique — CNRS), Париж. **Адрес:** Ecole Normale Supérieure, Paris, Pavillon Pasteur 45, Rue d'Ulm, 75230, Paris Cedex 05, France. **Телефон:** 01 44 32 30 09.

Электронная почта: athiesse@ens.fr

Текст написан специально для «Социологического журнала». В его основе — выступление автора на Международной конференции «Символическая власть: социальная наука и политика», проводившейся Институтом социологии РАН и Французско-Российским центром гуманитарных и социальных наук (Москва, ИНИОН РАН, 8–9 октября 2009 г.).

Перевод с французского — д. социол. наук М.Ф. Черныша.

ся во Франции в последнее время. Эти дискуссии нашли самый живой отклик у политиков, ученых, в средствах массовой информации. Иногда дело доходило до судебных исков, петиций и демонстраций. Как известно, общественные науки располагают инструментами, позволяющими определять состояние общества посредством его описания или классификации. С политической точки зрения историческая наука, возможно, даже более влиятельна, чем социология. Ее влияние связано с тем, что она касается «сакрального» в жизни народа, которое сегодня проявляется в конфликтах и политических действиях, осуществляемых во имя «национальной идентичности». Различия в подходах политиков, историков и профессиональных сообществ в последние годы выразились в отношении к вопросу о самостоятельности общественных наук и определении круга задач, которые последние призваны решать.

Иллюстрацией к сказанному выступает проблема с недавно открытым музеем, названным «Городком иммиграции». Решение открыть подобный музей в старинном здании, где в 1931 году проходила Колониальная выставка, было принято правительством Жака Ширака. Музей должен был представить общественности историю иммиграции и стимулировать дальнейшие исследования по данной теме, весьма болезненной для страны, принимавшей мощные потоки иммигрантов как в далеком прошлом, так и совсем недавно. Политический контекст решения об открытии музея был задан нарастающим влиянием Национального фронта, крайне правого движения, ключевой пункт программы которого — борьба против иммиграции. Показательно, что в первом туре президентских выборов в 2002 году лидер движения Жан-Мари Лепен занял второе место после Жака Ширака. В мае 2007 года, после избрания на президентский пост, Николя Саркози, выполняя одно из обещаний, данных во время предвыборной кампании, создал министерство национальной идентичности и иммиграции¹. Подобное объединение понятий «под одной крышей» ясно указывало на то, что иммиграция рассматривается новой властью как проблема или даже угроза существованию нации. В ответ на создание министерства историки из университетской среды, работавшие над созданием «Городка», уже в преддверии его открытия объявили, что выходят из проекта. В опубликованном заявлении они объяснили свой шаг и те цели, которые они преследуют:

«Наши цели состоят в том, чтобы рассматривать разнообразные

¹ Полное название: Министерство иммиграции, интеграции, национальной идентичности и солидарного развития. Главная его задача — выселять приезжих, не имеющих права на жительство.

подходы к историческим событиям, изучать коллективные и индивидуальные истории, делать предметом изучения не только моменты славы, но и темные страницы, помогать обществу преодолевать предрассудки и стереотипы.

Восстановление “министерства иммиграции и национальной идентичности” делает эти цели актуальными. Для политиков слова — это символы и средства борьбы... Мы могли бы продолжить работу над данным проектом, если бы в нем сохранялся дух интеллектуальной свободы и независимости. Мы готовы поддерживать этот проект, пока жив его истинный дух...»².

Заявление точно выразило позицию, которую защищали ученые, работавшие в проекте. Их цель — не только «чистая наука», но и наука, служащая общественным задачам, согласующимся с идеями демократии, что может быть реализовано лишь при «интеллектуальной свободе и независимости». В октябре 2007 года, уже после коллективной отставки ученых, «Городок» открыл двери посетителям. Обстоятельства открытия были уникальными для национального музея: не было никакой торжественной церемонии, представители правительства воздержались от участия. Только министр культуры приехал ближе к вечеру, да и то в статусе частного лица. Недавно новое событие обострило конфликт вокруг музея. В марте 2009 года министр национальной идентичности и министр образования приехали на церемонию открытия Центра документации «Городка», названного в честь Абдельмалека Саяда³. Около музея их встретили протестующие демонстранты, в результате министрам пришлось удалиться восвояси.

События вокруг «Городка» вписались в сложный, насыщенный смыслами политический и научный контекст. Попытаюсь коротко рассказать о нем.

Историческая наука и право/обязанность маркировать границы

Во-первых, необходимо сказать несколько слов о самом термине «национальная идентичность». Несмотря на присущую ему амбивалентность, он широко используется в разных контекстах. Первоначально он обозначал уникальность, единичность какого-либо явления

² Ученые, подписавшие заявление: Мари-Клод Бланк-Шалеард, историк (Университет Париж 1), Женестьева Дрейфус-Арманд, историк (Библиотека современных международных документов), Нэнси Л. Грин, историк (Высшая школа социальных наук), Патрик Симон, демограф (Национальный институт демографических исследований), Винсент Вьет, историк (Школа изучения экономических институтов и экономической истории), Мари-Кристин Волович-Таваре, историк, Патрик Вейль, историк (Национальный центр социальных исследований — Университет Париж 1).

³ Абдельмалека Саяда — социолог, последователь Пьера Бурдьё, посвятивший себя изучению проблем иммиграции.

или объекта. Позже его значение расширилось и стало использоваться для того, чтобы очертить границы социальной группы. В этом качестве он переключался из психологии в социологию в 50–60-е годы XX столетия, когда проблемами группового сознания всерьез занялись американские социальные психологи. Одной из первых публикаций, в которых этот термин использовался, стала работа Ирвинга Гофмана «Стигма: заметки об управлении деформированной идентичностью». В ней социальная идентичность рассматривалась с позиций конструктивизма. В 60-е годы прошлого века различные «меньшинства» — американские чернокожие, женщины, региональные движения — начали использовать термин в политических целях. В этом контексте он приобрел «эссенциалистские» характеристики, им обозначали критерии, посредством которых некоторые социальные группы стигматизируются и дискриминируются и на основании которых общество должно компенсировать понесенные этими группами потери. В 80-е годы прошлого столетия содержание термина еще более расширилось за счет включения в него «большинства», в том числе больших национальных групп. «Идентичность» стала одним из расхожих терминов, которым активно пользовались политики в ходе публичных дискуссий.

Постепенная утрата идентичностей, определяемых социальными классами, дискредитация подобных идентичностей в западном мире привели к тому, что на первый план выступили национальные идентичности. Экономические, политические и социальные изменения, порожденные процессом глобализации, поставили под сомнение власть национальных государств. Ответной реакцией на эти изменения стала растущая ценность национального, которое в этой новой ситуации рассматривалось в значительной степени как островок безопасности, укрывающий от внешней агрессивной среды. Но этот островок безопасности сам оказался под угрозой вследствие нашествия «внутренних врагов» — той части населения, которая состоит из недавних иммигрантов и которая рассматривается как совокупность чуждых элементов, покушающихся на национальную идентичность. В различных контекстах — политическом или медийном — национальная идентичность трактуется расширительно как «эссенциалистское» понятие. Параллельно в течение четверти века многие ученые вели изучение национальных сообществ, опираясь на конструктивистскую парадигму. Эта парадигма предлагала иной взгляд на национальное сообщество. Типичным образцом подобных исследований стала работа Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества»⁴. Различия между политико-медийной трактовкой понятия идентичность, подчеркивающей его «эссенциалистскую» природу, и научным

⁴ *Anderson B. Imagined communities. London: Verso, 1983.*

подходом к нации как политическому и экономическому конструкту модерна не столь ясны, как хотелось бы. Социальный характер труда ученых, последствия получаемых ими результатов, институциональный аспект исследований национальной идентичности (национальная идентичность, европейская идентичность) делает использование термина в значительной степени амбивалентным.

Эта двойственность имеет серьезные последствия для исторической науки. Дело в том, что история, как никакая другая социальная наука, считается дисциплиной, способной говорить правду (подтверждением этому могут служить все конфликты по поводу так называемых «фальсификаций истории») и, более того, правду об онтологии народной жизни.

Современная идея нации, оформившаяся к концу XVIII века, рассматривает ее как политическую общность, связанную общей культурой. Нация — это секулярная общность, которая в себе самой находит основания для объединения. Она не ищет легитимности в трансценденции, ее настоящая легитимность укоренена в ее прошлом, ее истории. Нация представлена как постоянное коллективное бытие, а задача национального исторического нарратива состоит в том, чтобы показать это. Таким образом, нация становится телеологическим нарративом, который развертывается во времени. Согласно этому нарративу нация с самых древнейших времен не переставала бороться за то, чтобы сохранить единство и противостоять силам угнетения и распада. Прошлое нации пишется и внедряется в массовое сознание с учетом тех целей, которые стоят перед ней сегодня. История нации становится фундаментом, опираясь на который общественность судит о настоящем. Исторической науке предписываются две основные функции. Первая заключается в том, чтобы связать жизнь народа с территорией, которую предки передали ему в наследство. Эта функция «подтверждения прав собственности» систематически выводится на первый план в тех случаях, когда между современными нациями возникают территориальные споры. Она служит основанием для претензий на аннексию каких-либо территорий или автономию. Но помимо этого, национальная история используется для того, чтобы определить, какие группы являются интегральной частью населения страны, а какие нет. В этом качестве национальная история становится одним из инструментов социальной эксклюзии, но она же может служить основанием для требований инклюзии. В действительности именно этот аспект выходит на первый план в Западной Европе. Согласно принципам существования национальных государств, какая-то категория населения не может полноценным образом интегрироваться в нацию, если она не была частью ее истории. В этом заключен смысл недавних попыток ревизовать прошлое, чтобы сделать субъектами исторического процесса такие социальные группы, как женщины или иммигранты. Требования переписать национальный гранд-

нарратив, в данном случае французский, нацелены на то, чтобы включить в него «память» о прошлом в форме живой истории. Носителями этой живой истории должны стать дискриминировавшиеся в прошлом группы, которые вследствие этой дискриминации не попали в официальный исторический нарратив.

История обладает властью *regere fines* — проводить границы. Она указывает на границы нации в разрезе территории и населения, проводит «справедливые» территориальные границы и разделительные линии между населяющими страну народами. Она определяет тех, кто имеет законное право получить «идентификационный паспорт», а также критерии, согласно которым он выдается.

«Борьба вокруг этнической или региональной идентичности, то есть борьба вокруг владений (стигматизированных или эмблематичных), права на которые уходят вглубь истории, — это особый случай конфликта вокруг классификации, вокруг монополии на право “открывать глаза” и “внушать веру”, право принуждения к знанию и признанию, право давать легитимные определения границам, пересекающим социальный мир. Имеющий подобную власть может создавать социальные группы или отправлять их в небытие. Цель такой борьбы — это право навязывать обществу собственное видение социального мира, видение, которое маркирует этот мир границами. Группе навязывается общий чувственный настрой, а также консенсус по поводу этого настроения. В особенности это касается идентичности и общности группы, чувство общности становится реальностью общности и общей идентичности. *Regere fines*, акт, заключающийся в том, чтобы “проводить прямые разделительные линии”, разводить “внутреннее и внешнее, царство сакрального и царство профанного, свою и чужую территорию”, — это религиозное действие, совершаемое человеком, имеющим самый высокий статус, монархом, наделенным священным правом творить правила, по которым живут подданные, по которым они разговаривают с властями. Это правила, которые творят будущее из бытия, облекая его в форму монаршего указа. Они заставляют будущее стать настоящим, облекая его в слова»⁵.

Исторической науке и, как следствие, самим историкам поручена высокая миссия быть экспертами в важных политических и социальных областях. Нынешний французский контекст определяется академическими исследованиями, посвященными «темным сторонам» национальной истории. Предметом исследования стал период Второй мировой войны, роль французского государства в депортации евреев

⁵ Bourdieu P. L'identité et la représentation, éléments pour une réflexion critique sur l'idée de région // Actes de la recherche en science sociales. 1980. Vol. 35. No. 1. P. 65.

и то, как вело себя общество в эти годы. Далее в поле зрения историков оказались события более современные — война в Алжире и колонизация. Исследование этих болезненных для общества вопросов подразумевает, что историкам дано право преодолевать политические табу, а также свободно вести работу в избранном направлении (открывать архивы) и публиковать полученные результаты. Но в контексте «сверхинвестирования» прошлого смыслами настоящего историкам приходится иметь дело с попытками дать юридическое определение «истинной» истории. Воплощением попыток становятся «законы о памяти», как их сейчас принято называть. Имеются в виду четыре закона, принятые недавно.

1. Первый из них называют законом Гэссо (по имени депутата Национального собрания от коммунистической партии). Он был принят в июле 1990 года с целью противодействовать «отрицанию исторических событий». Речь идет о публикациях и выступлениях, публично отрицающих геноцид евреев в период Третьего рейха. Этот закон стал поправкой к закону о свободе слова, принятому в 1881 году.

2. Согласно второму из упомянутых законов, который был принят 29 января 2001 года, «Франция открыто признает геноцид армян в 1915 году».

3. Третий закон от 21 мая 2001 года называют еще законом Луа Тобира (по имени депутата от Антильских островов). Он объявляет, что Французская республика признает торговлю чернокожими рабами преступлением против человечества и считает необходимым «включить работорговлю и рабство в тематику учебных и исследовательских программ в области наук о человеке, как эти явления прошлого того заслуживают».

4. Четвертый из названных законов, принятый 23 февраля 2005 года, относится к заморским территориям Франции. Он постановляет, что «учебные программы должны подчеркивать в историческом контексте позитивную роль французского присутствия на заморских территориях, в особенности в Северной Африке. В особом порядке следует рассматривать подвиг французских солдат африканского происхождения, заслуживших почет и уважение сограждан».

Последние два закона стали причиной острых конфликтов. В 2005 году Закон о признании работорговли преступлением против человечества использовался ассоциацией «Коллектив жителей Антильских островов, Гайаны и Реюньона» в качестве основания для судебного иска против историка, университетского ученого, занимавшегося исследованием работорговли. В одном из интервью он заявил, что торговля чернокожими рабами имела целью не уничтожение народа, а его экономическую эксплуатацию. Упомянутый «Коллектив» потребовал, чтобы историка отстранили от выполнения его

университетских обязанностей за «ревизионизм». Требование обосновывалось прецедентом: другого университетского профессора, одного из руководителей Национального Фронта, отстранили от обязанностей за то, что он подверг сомнению численность погибших в результате геноцида евреев (иск был отозван в феврале 2006 года).

Закон, принятый в феврале 2005 года, рассматривался как очевидная попытка снискать одобрение, хотя бы частичное, французского колониализма. Он вызвал живую реакцию со стороны политиков, общественных организаций и ученых, заставившую правительство дистанцироваться от него. Премьер Доминик де Вильпен подчеркнул: «Не дело политиков и не дело парламента писать историю или говорить о памяти. Это правило, которое мы должны неукоснительно соблюдать. Во Франции нет официальной истории». Николя Саркози, в то время министр внутренних дел, вступил в дискуссию, заявил тему, которую он затем развивал в ходе предвыборной кампании 2007 года. Это — тема национального покаяния⁶. Неявным образом Саркози отвечал на требования покаяния, предъявленные Французской республике еврейским сообществом. Речь шла об ответственности французского государства за депортацию евреев в годы войны. «Необходимо, — утверждал Саркози, — положить конец непрекращающемуся покаянию, связанному с постоянным пересмотром истории. Эти требования каяться за французскую историю доходят иногда до смешного» (Интервью на канале Франс-3 от 7 ноября 2005 года).

Власть и правда истории

«Исторические законы» имели следствием изменение представлений о работе и статусе историка. Профессиональные организации не могли не отреагировать на эти изменения. В июне 2005 года была создана новая организация «Комитет наблюдения за публичным использованием исторической науки»⁷. В уставных документах этой организации прямо говорится:

«Наша задача не в том, чтобы изменять память людей. Мы не считаем себя экспертами, которые обладают истинным знанием о прошлом. Наша цель состоит в том, чтобы создать условия, при которых знания, которые мы производим, а также проблематика наших исследований стали всеобщим достоянием. Для этого необходимо

⁶ Неологизм, заимствованный из английского языка. Он явным образом отсылает к письму Иоанна Павла II, который выразил от имени католической церкви сожаление по поводу деяний, совершенных ее представителями в прошлом и признанных сегодня ошибочными.

⁷ Комитет наблюдения за публичным использованием исторической науки был основан по инициативе историков Жерара Нуареля, Мишеля Рио-Сарси и Николя Оффенштадта. Сайт: <<http://cvuh.free.fr>>.

открыть широкую дискуссию о публичном использовании исторической науки и выработать решения, которые позволят эффективно противодействовать инструментализации прошлого».

Спустя несколько месяцев историки опубликовали петицию под названием «Свободу исторической науке»⁸. Ученые, подписавшие ее, заявляли, что нельзя смотреть на историю как на религию или мораль. Они подчеркивали, что историческая наука не должна быть телеологической и подчиняться общественным требованиям, и настаивали на отмене «исторических законов», которые, с их точки зрения, ограничивают свободу ученых. Особо отмечалось: «Историческая наука не является объектом какой-либо юрисдикции. В свободном государстве ни парламент, ни судебная власть не имеют юридическое права утверждать историческую истину».

Ассоциация ученых, подписавших петицию, создала свой сайт в Интернете⁹. Авторы явным образом хотели придать дискуссии о свободе исторических исследований международный характер. Это желание просматривается в том, что тексты историков были представлены на сайте на двух языках — французском и английском. Среди публикаций, размещенных на сайте, можно выделить статью историка Пьера Нора, который утверждал, что борьба за свободу исторической науки уже идет в общеевропейском масштабе. Это случилось, полагает он, после того, как Европейский парламент принял к рассмотрению проект закона о санкциях за преуменьшение значимости совершенных в прошлом актов геноцида и военных преступлений расистского характера¹⁰.

Противоречие между политиками и учеными не имеет простых объяснений. Конфликт между ними выводит на первый план ключевой вопрос: что позволяет властям думать, что они имеют право определять историческую истину? И второй, связанный с первым, вопрос: какое использование истории в социальной или публичной сфере следует признать законным?

Результатом дискуссии о целях исторических исследований и изучения исторической памяти стало создание во Франции парламентской

⁸ Документ получил название «Петиция девятнадцати». В числе первых подписавших его ученых были Жан-Пьер Азема, Элизабет Бадинтер, Жан-Жак Беккер, Франсуаза Шандемагор, Ален Деко, Марс Ферро, Жак Жулиар, Жан Леклан, Пьер Милза, Пьер Нора, Мона Озуф, Жан-Клод Перро, Антуан Прост, Рене Ремон, Морис Ваисс, Жан-Пьер Вернан, Поль Вейн, Пьер Видал-Наке и Мишель Уинок.

⁹ Сайт Ассоциации: <<http://www.lph-asso.fr>>.

¹⁰ Первоначально текст Пьера Нора опубликован в газете «Монд» 11 октября 2008 г.

комиссии¹¹. После долгих слушаний, в которых приняли участие политические деятели, журналисты и ученые, она подготовила обширный (на 480 страниц) доклад, который был опубликован в ноябре 2008 года. Во время слушаний полемика развернулась по следующим фундаментальным вопросам. Является ли история наукой? Существует ли историческая правда? Каковы права и ограничения исторической науки? Существует ли так называемый «долг памяти»? Если он существует, то как следует его отдавать? Во время слушаний одни историки настаивали на полной свободе исторических исследований от какого-либо давления со стороны общества или судебных властей; другие рассуждали о возможности строить отношения между историей и обществом так, чтобы наука не выглядела крепостью, окружившей себя каменной стеной. С их точки зрения, история и общество должны взаимодействовать, но это взаимодействие должно быть деликатным. Жерар Нуарель напомнил, что историческая наука сосуществует с «исторической памятью», тесно связанной с задачами, которые решаются в настоящее время. «Историческая память» становится сегодня чрезмерно влиятельной потому, что именно она более всего востребована в средствах массовой информации:

«С начала XIX века дискурс о прошлом принял два направления: история-наука, ищущая возможность понять и объяснить прошлое, история-память, несущая в себе оценки прошлого. Опасность возникает тогда, когда между двумя этими полюсами возникает дисбаланс. История-память обладает несравненно бóльшим влиянием, чем историческая наука. Конфликты по поводу памяти постоянно подпитываются средствами массовой информации. Память стала одним из способов привлечь внимание общественности. Мощь средств массовой коммуникации создает условия, при которых в центре внимания оказывается история-память, вытесняющая историю-науку. В таком мире нет места для понимания или объяснения прошлого»¹².

В конце 2008 года Национальная ассамблея утвердила повестку дня, в соответствии с которой принятые «исторические законы» останутся в силе, но голосование по новым подобным законам проводиться не будет.

Между тем вопрос об использовании исторической науки в социальных или политических целях остается во Франции очень важным. Начиная с президентской кампании 2007 года, Николя Саркози активно использовал исторические аргументы в контексте выступлений,

¹¹ См.: <<http://www.ladocumentationfrancaise.fr/rapports-publics/084000719/index.shtml>>.

¹² Выступление Жерара Нуареля на слушаниях парламентской комиссии по «историческим законам».

посвященных национальной идентичности. Его электоральный дискурс был насыщен обращением к историческим фактам. В этих выступлениях он развивал следующую идею: раскаяние и притязания на собственную историческую память представляют собой угрозу национальной истории. Именно поэтому следует восстановить в правах единую национальную историю, принятую общественным консенсусом. В этой истории должно быть место не только правым, но и «левым» силам. И этой историей народ должен гордиться. В январе 2009 года Николя Саркози объявил о создании Музея истории Франции, который должен был решить эту задачу: «Потому что история Франции — это целостность, связь всех времен и событий. Сейчас стало возможным очернять эту историю по частям, нападать на славные ее страницы, на страницы, которые требуют деликатности. Важно, однако, чтобы все эти страницы, все факты рассматривались в целостности, в контексте целостной истории страны»¹³.

Президент приказал фонду национального достояния — хранителю музейных ценностей — подготовить доклад о возможных вариантах экспозиции музея. Работу предлагалось начать в апреле 2008 года. Реакцию ученых-историков на это решение можно охарактеризовать как растерянность вкупе со стремлением придать новому проекту разумную форму. Представление о разумных формах опиралось на опыт успешной реализации подобных проектов (Музей Европы в Брюсселе, Немецкий исторический музей в Берлине, Музей истории Нидерландов). На коллоквиуме, проходившем в июне 2009 года в Париже, историки и музейщики совместно обсуждали эти вопросы. Работа коллоквиума слабо освещалась в средствах массовой информации. Заслуживающей внимания следует признать только статью в газете «Фигаро». В ней, в частности, говорилось:

«Историк Пьер Нора и президент сети французских музеев Лоран Жерверо поставили в резкой, открытой форме следующий вопрос: нужны ли нам исторические музеи? Признавая, что “общественное сознание находится сегодня в возбужденном состоянии” и что история Франции отныне “расколота”, Пьер Нора призывает к тому, чтобы облечь президентский проект в форму “места памяти”»¹⁴.

Расположение музея также оказалось деликатной темой. Первоначально предполагалось, что он разместится в Доме инвалидов, но в этом здании уже находится Музей французской армии. Военные посчитали не слишком удобным сближать подобным образом армейскую историю с историей национальной.

¹³ Выступление Президента Франции. Наказы деятелям культуры. Ним, 13 января 2009 года. Выступления содержатся в формате PDF и в форме подкастов на сайте Президента Французской республики.

¹⁴ Le Figaro. 2009. 19 juin.

Хорошо известно, что история насыщена политическими смыслами. Этому есть множество доказательств. Споры об истории в современной Франции показывают, что речь идет не просто о столкновении между наукой и властью. Эти споры подогреваются требованиями и притязаниями социальных групп, требующих компенсации за страдания прошлого¹⁵. Споры показывают, что зависимость науки нельзя преодолеть одними лишь требованиями свободно проводить «чистые» исследования, не обращая внимания на их социальные последствия. Они указывают на то, что в любом случае исследовательские проекты ученых-обществоведов должны сопровождаться рефлексией по поводу возможных социальных последствий результатов; необходимо принимать во внимание то, как используется влияние, которым наделены ученые.

«Всякий считает, что у него есть право вмешиваться в работу социологов, вступать в споры и дискуссии о легитимном определении социального мира. Социолог также участвует в этом споре, но он на особом положении. Его цели мало чем отличаются от целей, которые ставят перед собой другие дисциплины, но в его случае эта претензия представляется чудовищной: искать истину, или, хуже того, определять условия, при которых можно оглашать истину. И это при том, что социальная наука уязвима со стороны внешних влияний. Эти внешние влияния затрудняют формирование внутренних условий, при которых наука могла бы быть независимой (например, определение правил вхождения в профессиональное сообщество). Слабые ограничения на вхождение в профессию, значимость социальных задач, стоящих перед нею, — эти два обстоятельства жизни науки дополняются третьим, делающим задачу “освобождения от зависимости” почти неразрешимой. Очевидно, что научные споры обусловлены систематическим обращением к конструируемой реальности. В нашем случае “реальность” находится вне науки и не зависит от полученного знания, но при этом она сама является социальным конструктом, продуктом предшествующих конфликтов, которые, хотя бы в этом качестве, делают предметом сегодняшних споров. Можно видеть, как в случае с историей, что яблоком раздора становятся события, обладающие свойством быть значимыми для современников»¹⁶.

¹⁵ Следует в этой связи упомянуть еще одну проблему. Речь идет о том, как определяются границы и категории коренного населения. Споры развернулись вокруг того, как отражены этнические категории в анкетах социологических и демографических исследований. В этом споре нашли отражение разные политические и идеологические позиции, столкнулись интересы различных групп иммигрантов в современной Франции. Этот спор разделит научное сообщество. См.: *L'usage des catégories ethniques en sociologie // Revue Française de Sociologie*. 2008. Vol. 49 (1). P. 127–167.

¹⁶ *Bourdieu P.* Science de la science et réflexivité, cours du Collège de France 2000–2001. Paris: Raisons d’agir éditions, 2001. P. 170–172.